

УДК 654.1
DOI: 10.17223/19988613/59/7

В.В. Миркин

СРЕДСТВА СВЯЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В СССР (1970-е – НАЧАЛО 1980-х гг.)

*Статья подготовлена при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD) в рамках стипендиальной программы *Forschungsaufenthalte für Hochschullehrer und Wissenschaftler*, 2016.*

Рассматриваются проблемы перлюстрации почтово-телеграфной корреспонденции, прослушивания телефонных переговоров в 1970-е гг. как инструмента политической цензуры и борьбы с инакомыслящими, диссидентским движением в СССР. Несмотря на то что Советское государство декларировало защиту личной жизни своих граждан, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, на практике органы государственной безопасности использовали средства связи для негласной слежки за гражданами, имевшими контакты с «внешним миром». При этом контролировалась и зачастую блокировалась не только международная, но и «подозрительная» внутренняя почтово-телеграфная переписка, а также телефонные переговоры.

Ключевые слова: почта; телеграф; телефонная связь; перлюстрация корреспонденции; диссидентское движение.

Проблема перлюстрации корреспонденции, несмотря на актуальность, не пользуется популярностью у отечественных историков и до сих пор не получила отражения в научной публицистике. Информация об использовании средств связи в целях слежки за советскими гражданами и борьбы с инакомыслящими крайне скудна. Это объясняется тем, что документальные материалы по данной тематике до сих пор засекречены и хранятся в ведомственных архивах ФСБ, доступ к ним ограничен. Отдельные сведения по теме можно найти в публикациях Т.М. Горяевой, В.С. Измозика, А.И. Пожарова и некоторых других [1–3 и др.]. Представление о том, как именно использовалась связь для цензуры информации в СССР, дают также и зарубежные источники. К ним относятся, в том числе, воспоминания бежавших из страны офицеров государственной безопасности [4]. В перечисленных работах можно найти информацию о контроле и перлюстрации почтово-телеграфных отправок, однако при этом почти не рассматривается проблема прослушивания телефонной связи в советский период.

Жорес Медведев в своей работе «Тайна переписки охраняется законом» пришел к выводу, что советская цензура читала *всю* международную корреспонденцию. Вместе с тем, по его мнению, *практика изъятия* не одобряемой государством корреспонденции (писем, бандеролей, посылок) *является изобретением советской власти*. Мнение Ж. Медведева о всеобъемлющем политическом контроле в сфере почтовой связи разделяет также и специалист по истории пенитенциарного права, доктор юридических наук Александр Сергеевич Смыкалин, посвятивший отдельную монографию проблеме перлюстрации почтовой корреспонденции в истории России [5]. Если в царской России подобного рода негласная деятельность носила выборочный характер, то в советский период она стремилась к полному

охвату всего общества. При этом важным для проверяющих органов являлось не собственно содержание задерживаемых отправок, а субъекты информационного обмена – отправитель и / или адресат. К началу 1980-х гг. подобный дискриминационный подход советской связи к доставке международной корреспонденции стал принимать официальный характер.

В условиях закрытых границ и полного отсутствия возможности свободного выезда в другие страны мира использование почтово-телеграфной и телефонной связи в контактах с «внешним миром» приобретало в Советском Союзе исключительно важное значение. Однако свободный обмен информацией с зарубежьем, несмотря на долгое формальное отсутствие каких-либо гласных административных барьеров, на практике был невозможен в точности, как и физическое перемещение за пределы страны.

Формирование органов контроля за внутренним и внешним информационным обменом началось в первые годы советской власти и было связано с деятельностью ВЧК. К началу войны по положению о Главном военном цензоре при СНК СССР цензура осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеологический контроль, а также контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки. В 1955 г. распоряжением Совета министров СССР № 805-484сс от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел, занимавшийся перлюстрацией телеграфной и почтовой корреспонденции на протяжении всего послевоенного периода [1. С. 315].

В 1965 г. Коллегия КГБ СССР обсудила состояние дел с перлюстрацией корреспонденции (ПК), в результате чего был подготовлен единый план службы ПК (операция «Алмаз»), согласно которому основное внимание уделялось потоку *исходящей международной корреспонденции*. 28 ноября 1967 г. вступила в силу

«Инструкция по негласному контролю почтово-телеграфных отправок органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР» [5. С. 217].

Цензуре подвергалась не только международная, но и внутренняя почтово-телеграфная корреспонденция. Однако если перлюстрация «домашних» писем осуществлялась выборочно, в соответствии со списками имен, фамилий и адресов определенных лиц, а также характера почерка (в случае использования анонимного имени), то для международных отправок выборки не существовало. Все без исключения лица, участвовавшие в международной переписке, стояли на учете; каждое международное отправление просматривалось. Личные письма, в противовес открыткам, обычно задерживались. Среди журналов и книг пропускались, как правило, издания научного, идеологически нейтрального содержания. Например, работа о проблеме разоружения, отправленная Юрию Орлову в 1975 г. директором Американской федерации ученых Джереми Стоуном, бесследно пропала; при этом отправленный им же словарь благополучно доставили адресату. Терялись по пути из-за границы и вполне безобидные печатные издания, пользующиеся, однако, большим спросом на «стерильном» литературном рынке СССР: журнал «National Geographic», исторические романы о викингх и пр. [6. С. 5].

Примеры бесследного исчезновения международных отправок в 1970-е гг. многочисленны. Так, в 1975 г. во время 22-дневной голодовки Владимира Слепака в Москве из посланных на его имя четырех тысяч телеграмм адресат получил лишь одну. Ни одной из многочисленных международных телеграмм ко дню рождения 27 апреля 1976 г. не получила Ида Нудель. Разумеется, задерживалась и нежелательная корреспонденция, отправленная из Советского Союза. Как показывали эксперименты, проводившиеся диссидентами по отправке своих писем из других населенных пунктов и другими людьми, зачастую речь шла о блокировании международной корреспонденции определенных лиц, проживавших по определенным адресам, в независимости от содержания отправок.

Примечательно, что даже в таком вполне очевидном требовании, как право получения компенсации за недоставленные адресатам заказные письма с уведомлением о вручении, советским диссидентам обычно отказывали. А официальный розыск пропавших отправок и переписка с ответственными ведомствами могли при этом продолжаться годами.

Показательным в этом отношении является грузинское «почтовое дело» 1977 г. На протяжении 1972–1977 гг. тбилисский почтамт изымал всю международную корреспонденцию, отправляемую или адресованную братьям Гольдштейнам и Елизавете Быковой. При этом сам факт изъятия (а не пропажи) отправок подтверждался демонстрацией некоторых из этих писем во время допросов в следственном изоляторе КГБ

Грузии. Выдержки из заявлений и жалоб потерпевших в судебные инстанции и прокуратуры различных уровней, а в особенности ответы из этих учреждений наглядно демонстрировали не столько нарушение «советской законности» и циничный бюрократизм, сколько непрофессионализм и юридическую безграмотность судебных и исполнительных органов. Так, например, Коллегия по гражданским делам Верховного суда ГССР, оправдывая отказ в выплате возмещения за пропавшую корреспонденцию, ссылаясь на информацию, размещенную на оборотной стороне почтовой квитанции, гласившую, что «в соответствии с Уставом связи СССР почта отвечает за принятое отправление только в течение 6 месяцев после сдачи отправления...». И поскольку иск был якобы предъявлен с нарушением данного срока, а также на основании того, что «невозможно установить, потерялись или нет отправления, и по чьей вине...» [7. С. 2–3], то истцам следует отказать.

Однако судебные органы совершенно игнорировали (или попросту не знали) тот факт, что размещенная на оборотной стороне почтовой квитанции информация относилась к срокам подачи рекламации, а не исков о пропаже. Согласно действовавшему в СССР почтовым правилам тот факт, что почта в течение шести месяцев после подачи рекламации не сообщала о доставке письма адресату и не выплачивала возмещения, являлся основанием для подачи отправителем иска в суд [8. Ст. 103–106, 214–215], что и было сделано истцами в установленные законом сроки. К тому же, в соответствии с теми же почтовыми правилами, за международные заказные письма ведомство несло ответственность в течение года, а не шести месяцев.

Последовавшие за судебными решениями ответы прокурорских работников по юридической некомпетентности и абсурдности даже превзошли отписки из Верховного суда республики. Впрочем, вероятно, не совсем правильно обвинять должностные лица республиканского суда и прокуратуры в непрофессионализме, поскольку очевидно, что решение подобных вопросов лежало далеко не в юридической, правовой плоскости. Ведь содержанием многих из этих писем являлось обращение к Л.И. Брежневу с призывом соблюдать Хельсинкские соглашения, а также принять добровольный отказ авторов от советского гражданства.

Были и другие подобные примеры. Отказник Евгений Пашин с мая 1977 г. не мог добиться рассмотрения в Воркутинском городском суде Коми АССР дела о взыскании 108 рублей за недоставленные адресатам и якобы утерянные восемь писем в Израиль и одно письмо в США. Более трехсот писем, посланных Нийоле Садунайте из Англии, вернулись к отправителям. Из более чем тысячи писем Галине Саловой и нескольких сотен писем Крониду Любарскому, посланных организацией Amnesty International, не было доставлено ни одного. То же происходило с бандеролями и посылками, присылаемыми из Израиля, США, Англии и других стран. Особо следует отметить факты недоставки при-

глашений (вызовов) из Израиля. Отмечались также случаи отказа в приеме телеграмм ввиду их якобы антисоветского содержания.

Ситуация с международным почтовым обменом СССР в 1970-е гг. стала предметом обсуждения в Конгрессе и Палате представителей США. Так, в декабре 1977 г. конгрессмен Бенджамин Гилман обращался по этому поводу с письменной жалобой к членам советской делегации на Белградской конференции по наблюдению за выполнением хельсинкских соглашений. В ноябре 1977 г. Гилман представил свой отчет о проблемах прохождения международной корреспонденции в Советский Союз в комиссию Конгресса США по делам почты и государственной службы. В апреле 1978 г. он выступил в Конгрессе с просьбой к президенту США заявить протест против вмешательства советских властей в работу почты, поднять этот вопрос на конгрессе Всемирного почтового союза в Бразилии (в 1979 г.), а также обратиться за поддержкой к делегациям других стран – членов Союза. В июне 1978 г. Гилман предложил Конгрессу принять резолюцию с призывом к американскому Президенту выступить с формальным протестом по поводу нарушения СССР международных почтовых правил [9. С. 2].

В сентябре 1979 г. предложенная Бенджамином Гилманом резолюция была одобрена сначала Комиссией по делам почты и государственной службы, а затем и Комиссией по иностранным делам Палаты представителей США. 25 сентября 1979 г. Палата представителей единогласно одобрила резолюцию, обвиняющую Советский Союз в «систематическом воспрепятствовании доставке почты из Америки евреям, представителям различных религиозных и национальных групп, а также деятелям науки и культуры, проживающим в СССР». Однако ни эта, ни последующие резолюции и решения американских органов власти повлиять на советское почтовое ведомство, конечно же, не могли.

Как известно, СССР являлся членом Всемирного почтового союза и в качестве такового ратифицировал Всемирную почтовую конвенцию [10], а также Устав Всемирного почтового союза от 14 ноября 1969 г. и 5 июля 1974 г. [11]. Однако это совершенно не мешало советской почте вводить ограничения, не основанные ни на одном из международных нормативно-правовых актов.

Вмешательство в работу международной почты ложилось нелегким финансовым бременем на советскую почтовую администрацию, одновременно дезорганизуя деятельность зарубежных почтовых и судебных органов. Статья 40 п. 2 соглашения Всемирного почтового союза 1969 г. предусматривала выплату возмещения в размере 40 франков за утерю заказного письма (что составляло в те годы порядка 12 рублей) [12]. По примеру участников движения за права человека в Советском Союзе многие их зарубежные коллеги с начала 1970-х гг. пробовали использовать это положение в целях оказания давления на советскую почту.

Так, например, в 1977 г. западногерманский журнал «Spiegel» опубликовал статью, посвященную деятельно-

сти целого ряда частных лиц и правозащитных организаций на территории ФРГ, которые регулярно требовали компенсацию за недоставленную в Советский Союз корреспонденцию. Один из них, житель Франкфурта Ицхак Кац, отправил в СССР 52 заказных письма, содержавших официально изданную ООН брошюру с текстом Всеобщей декларации прав человека на русском языке, и получил за «утерю» этих писем компенсацию в сумме 2 058 западногерманских марок плюс 4% пени. Известны и другие примеры успешных компенсаций за «утерянные» Советским Союзом отправления. Однако внутри страны, как показано выше, подобного рода компенсации были практически невозможны.

Реакцией советской стороны на усилившееся давление в отношении международного почтово-телеграфного обмена стало дальнейшее «закручивание гаек». К концу 1970-х гг. использование средств связи для борьбы с неугодными государству людьми и организациями приняло фактически открытую форму. Приказом КГБ от 12 июля 1977 г. была утверждена «Инструкция по оперативному учету в КГБ при Совете министров СССР»; своя система учета предусматривалась в том числе у 6-го отдела (перлюстрация корреспонденции) ОТУ (оперативно-технического управления) КГБ.

Для этой цели велась «централизованная картотека инкорреспондентов (иностранцев граждан, организаций, учреждений, осуществляющих почтово-телеграфную переписку); централизованная фототека почерков неизвестных отправителей, скрывающих свои адреса при направлении корреспонденции в зарубежные и капиталистические страны». Велся также «учет зарубежных организаций и граждан капиталистических стран, от имени которых систематически направляются враждебным элементам в СССР посылки и материалы» и «учет советских граждан, ведущих переписку с инкорреспондентами» [5. С. 217–218].

Информация об использовании такого рода списков вскоре стала просачиваться в диссидентскую печать. В 1981 г. стало известно о том, что во Внешпосылторге СССР циркулировали списки лиц, которым было запрещено вручать любые посылки из-за рубежа; существовал также и список иностранных отправителей, посылки которых на территории Советского Союза не вручались. В качестве примера такого лица в СССР был назван украинский политссыльный Зиновий Антонюк. Об этом Внешпосылторг официально сообщил западногерманской компании «Линдекс», занимавшейся отправкой посылочной корреспонденции в СССР. Вскоре Внешпосылторг уведомил ту же компанию о своем запрете принимать посылки на имя Сильвии Кукк, вдовы погибшего в лагере эстонского политзаключенного Юри Кукка. Такие же сообщения получила швейцарская компания «Мела» относительно жены политзаключенного священника Глеба Якунина и москвички, участницы движения за права человека Ирины Корсунской [9. С. 5].

Под таким же жестким контролем, как международная почтово-телеграфная связь, находились и телефонные

сети. В этом случае намеренное вмешательство государства доказать было так же сложно – представители телефонного ведомства, как правило, ссылались на то, что проблемы со связью вызваны техническим сбоем или происходят исключительно по вине зарубежных коллег.

Практика выключения телефонов началась в мае 1972 г. накануне первого визита американского президента Ричарда Никсона в СССР. В то время было выключено 12 телефонов у активистов борьбы за право евреев репатрироваться в Израиль [13. С. 1]. В ответ на запросы владельцы выключенных телефонов получали уклончивые устные ответы о «повреждении кабеля», «неисправности линии» и т.п. 31 августа того же года, пытаясь придать вид законности фактам отключения телефонов, Совет министров СССР издал постановление о дополнении ст. 74 Устава связи СССР [9. С. 206] пунктом, запрещающим «использование телефонной связи... в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку» [15. С. 8]. Однако, даже невзирая на тот факт, что данный пункт входил в явное противоречие с Конституцией СССР¹, возникает вопрос, каким образом можно было определить, используется ли телефон «в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку», обеспечивая тайну телефонных переговоров? Ответ очевиден: дополнение к ст. 74 Устава связи являлось официальным признанием факта прослушивания телефонных переговоров в Советском Союзе. При этом в законе не оговаривалось, какой конкретно государственный институт правомочен выносить вердикт о соответствии телефонного разговора «государственным интересам». Ведь отключение телефонов производилось – по крайней мере, технически – соответствующим узлом связи, явно не обладавшим такими полномочиями.

По свидетельству некоторых членов общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, на практике ст. 74 применялась таким образом: после нескольких сеансов телефонной связи с иностранными абонентами, во время которых передавалась любая не одобряемая государством информация, телефон, как правило, отключался без предупреждения. Такой нежелательной информацией могли быть сведения об узниках совести, преследовании инакомыслящих, тексты заявлений в защиту преследуемых, а также встречные сообщения о реакции западной общественности на резонансные политические события в СССР. Прослушивание абонента распространялось не только на международные, но и на междугородные и внутригородские контакты. Нередкими были случаи отключения телефонной связи просто по факту владения ею неугодным человеком.

Телефонная связь у провинившегося абонента отключалась на срок до полугода, после чего включалась с предупреждением более не использовать ее для нежелательных контактов. Нередкими были случаи безвозвратного отключения телефона и передачи его номера другому абоненту. Среди таких абонентов оказа-

лись многие известные в 1970-е гг. правозащитники: писатель В. Войнович, председатель советской группы Международной амнистии В. Турчин, Ю. Орлов и многие другие.

В тех случаях, когда меры по отключению «провинившегося» абонента от телефонной сети по каким-то причинам считались излишними (как в случае с академиком А. Сахаровым), или абонент пользовался общественной телефонной связью (городскими переговорными пунктами, ведомственной связью), также предпринимались меры по прослушиванию. При этом подозрительные сеансы связи, как правило, заглушались или прерывались в принудительном порядке. Правозащитниками были также зафиксированы многочисленные случаи, когда таким абонентам в процессе ожидания сеанса связи сообщалось, что «разговор не состоится, так как второй абонент не явился», «телефон абонента не отвечает» и т.п. [6. С. 4].

В «Материалах самиздата» приводится множество примеров борьбы за право беспрепятственного пользования телефонной связью. Пострадавшие абоненты обращались с многочисленными заявлениями по поводу неправомерных действий к начальникам служб связи вплоть до министра связи СССР. Содержание письменных официальных ответов, однако, зачастую обескураживало. Так, в 1973 г. начальник орджоникидзевского телефонного узла г. Тбилиси Р. Николайшвили в ответ на заявление И.А. Гольдштейна и Е.И. Быковой, в котором они просили восстановить телефонную связь в их квартире, сообщал, что «в результате принятых мер работа Вашего телефона нормализована»; начальник ГТС Кубанишвили в ответ на ту же жалобу сообщал, что указанный телефон действительно был поврежден в кабеле; однако «в настоящее время повреждение устранено, дано указание начальнику телефонного узла района им. Орджоникидзе взять на учет» его работу. При этом в устных ответах должностные лица признавались, что телефон находится «на консервации» и «отключен за разговоры с Западом по указанию из КГБ» [16. С. 2].

Подобные жалобы на «организованную на Московском телефонном узле службу подслушивания» направлял министру связи СССР и руководителю Хельсинкской группы москвич Пётр Григоренко. Организованная за ним телефонная слежка не позволяла связаться с проживавшим в ФРГ сыном, поскольку параллельно включенный аппарат мешал установлению соединения. Как объяснял потерпевший, таким образом его наказывали за то, что он не явился «для беседы» по вызову КГБ. Автор обращения винил в сложившейся ситуации лично начальника московского телефонного узла, которому, по мнению Григоренко, «официально вменено в обязанность отключать телефоны за ведение разговоров, “противоречащих интересам государства”», а следовательно, он «уполномочен и на то, чтобы вести подслушивание и запись телефонных переговоров» [17. С. 2–3]. Впоследствии подозрения автора о наличии на

телефонном узле своеобразной службы прослушивания и «помех телефонным переговорам» многократно подтверждались. Парадоксально, но П. Григоренко, по-видимому, чувствуя всю безнадежность затянутой им тяжбы, в своих обращениях просил не прекращения очевидно противоправных действий, а передачи этого дела в руки профессионалов, которые, осуществляя прослушивание, не будут блокировать телефонную связь и позволят ему поговорить со своим сыном².

Во многих случаях на запросы выключенных абонентов следовало устное разъяснение: «телефон выключен в соответствии с п. 74 Устава связи СССР». При этом добиться какого-либо письменного объяснения или обжаловать эти действия было невозможно. Так, например, Ирина Жолковская-Гинзбург отправила порядка десяти писем в различные инстанции: районный телефонный узел, городской телефонный узел, Министерство связи СССР, Президиум Верховного Совета СССР, однако ни на одно из них не получила ответа [14. С. 4]. Все попытки владельцев отключенных телефонов добиться судебного решения спора с узлами связи были тщетны, так как суды отказывались принимать такие дела к рассмотрению.

Таким образом, несмотря на то что формально Советский Союз принял в Хельсинки обязательство «улучшить обмен информацией», на практике одно из важнейших средств такого обмена – почтово-телеграфно-телефонная связь – использовалось в совершенно противоположных целях. Как показывали практика и документы, значительная часть почтово-телеграфной корреспонденции, обмениваемой между СССР и зарубежными странами, не доходила до адресатов, «терялась по дороге». Это касалось главным образом инакомыслящих, правозащитников, евреев и немцев – отказников, представителей «неофициальных религиозных групп» и т.п. И если почтовая военная цензура в своих ограничениях прав граждан была официальной и гласной, то перлюстрация гражданской корреспонденции, так же как и прослушивание телефонных переговоров, носили ярко выраженный антиконституционный характер и относились к совершенно секретной деятельности органов государственной безопасности. К концу 1970-х – началу 1980-х гг. данный инструмент политического давления использовался параллельно с начавшейся кампанией арестов и внесудебных расправ с идеологическими оппонентами режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о ст. 56: «Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом». [16. С. 48].

² Цитата из заявления Григоренко: «Я даже не просил об отмене безусловно противозаконной инструкции, узаконивающей телефонное прослушивание и наделяющей начальника узла связи не свойственными его должности чрезвычайными полномочиями. Я лишь просил в пределах этой инструкции добиться ликвидации не предусмотренных ею хулиганских помех» [17. С. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. 407 с.
2. Измозик В.С. Система государственной информации: создание и деятельность // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в 1920–1930 гг. Москва ; Великий Новгород, 2000.
3. Пожаров А. И. Некоторые аспекты деятельности органов госбезопасности СССР в 1950-е – первой половине 1960-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. ФСБ РФ. Москва ; Великий Новгород, 1999.
4. Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма... (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ) // Время и мы. Нью-Йорк, 1980. № 55. С. 224–253; № 56. С. 254–278.
5. Смыкалин А.С. Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М., 2015. 268 с.
6. АС № 2543. 4 члена ОГС (Ю. Орлов и др.), «Информация о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи» (Москва), 27.05.1976 // Материалы самиздата. Вып. 22/76. 25 июня 1976 г. 8 с.
7. АС № 2897. Г. и И. Гольдштейны и Е. Быкова, Рассказ «Нарушения советскими учреждениями законности, выразившиеся в пресечении международной переписки Гольдштейнов», Тбилиси, февраль 1977 // Материалы самиздата. Вып. 15/77. 20 июня 1977 г. 5 с.
8. Устав связи СССР // Собрание постановлений правительства СССР. 1971. № 10. Ст. 83. С. 186–222.
9. Вишневская Ю. О некоторых проблемах международного почтового обмена с Советским Союзом. РС 200/83 // Радио Свобода. Исследовательский бюллетень. № 41. 12.10.1983. 5 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Всемирной почтовой конвенции, Соглашения о письмах и ящиках с объявленной ценностью и Соглашение о почтовых посылках // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 9 (941). Ст. 66. С. 187.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Устава и других актов Всемирного почтового союза // Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 1 (1919). Ст. 1. С. 5.
12. Всемирный почтовый союз. Устав, дополнительный протокол к уставу, конвенция и соглашения Всемирного почтового союза. (Токио, 1969 г.). М. : Министерство связи СССР, 1971. 475 с.
13. АС № 2153. 28 московских евреев, Открытое письмо «В Международный комитет телефонной связи» о произволе телефонной службы СССР, Москва, без даты, но вероятно апрель или начало мая 1975 г. // Материалы самиздата. Вып. 23/75. 6 июня 1975 г. 3 с.
14. АС № 3238. 6 членов Московской ОГС (Е. Боннэр и др.), Документ № 30 (или 25). О продолжающихся нарушениях контактов между людьми в сфере почтово-телеграфно-телефонной связи, с 3-мя приложениями, (Москва), 02.02.1978 // Материалы самиздата. Вып. 20/78. 26 мая 1978 г. 9 с.
15. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М. : Политиздат, 1977. 127 с.
16. АС № 2897-а. И. Гольдштейн и Е. Быкова, Заявление «Министру связи СССР» по поводу отключения телефона, с 2-мя приложениями, Тбилиси, 29.03.1977 // Материалы самиздата. Вып. 15/77. 20 июня 1977 г. 3 с.
17. АС № 2990. Пётр Григоренко, 3 заявления министру связи СССР с протестом против помех в его телефонных разговорах, Москва, 07.12.1976, 11 и 21.01.1977 // Материалы самиздата. Вып. 20/77. 22 июля 1977 г. 9 с.

Vladimir V. Mirkin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vvmvcv@gmail.com

COMMUNICATIONS AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL CENSORSHIP (1970S - EARLY 1980S).

Keywords: mail service; telegraph; telephone communication service; correspondence perusal; dissident movement.

Based on a wide range of literature and sources, the author of the article sets a goal - to analyze the methods of using communications as an instrument of political censorship and the fight against dissent in the USSR in the 1970s. The formation of bodies for control over internal and external information exchange is considered, the specifics of the use of various sub-types of communication for state political supervision are determined: in particular, postal and telegraph and telephone communications (international, intercity). In the conditions of the "Iron Curtain" and the complete absence of the possibility of free travel abroad, post service, telegraph and telephone service were the only channel of information exchange in contacts with the "outside world" in the Soviet Union.

The work shows that censorship was exposed not only international, but also internal postal and telegraph correspondence. However, if the perusal of "home" letters was carried out selectively, according to the lists of names, surnames and addresses of certain persons, and the nature of the handwriting, there were no such lists for international dispatches.

Analysis of the documentary evidence confirms the fact that the Soviet telephone networks were under the same strict control as postal and telegraph communication. However, as in the case of the postal service, it was practically impossible to prove the implicit intervention of the state. The authorities denied any involvement in unlawful actions and referred, as a rule, to technical problems or accused foreign communication services. The testimonies of contemporaries of the events in question show that it was also impossible to obtain material compensation for the "missing" correspondence. Judiciary under various pretexts refused to initiate lawsuits. At the same time, the official search for items on the line of communication services and correspondence with various authorities lasted for years.

Thus, the author comes to the conclusion that the free exchange of information with abroad, in spite of the formal absence of any open administrative barriers, was practically impossible in practice, just like physical movement outside the country. While in tsarist Russia this kind of private activity was selective, in the Soviet period it was striving for the full coverage of the whole society. At the same time, important for the controlling bodies was not the actual content of the detained items, but the subjects of information exchange themselves – the dispatcher and / or the addressee. The perusal of the civil correspondence, as well as the hearing of telephone conversations, were clearly anti-constitutional in nature and related to the top secret activity of the state security bodies. By the early 1980's such discriminatory approach by the Soviet Union to the delivery of international correspondence began to take on an official character.

REFERENCES

1. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: Rosspen.
2. Izmozik, V.S. (2000) Sistema gosudarstvennoy informatsii: sozдание i deyatelnost' [The system of state information: creation and activity]. In: Komissarov, V.N. (ed.) *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye spetssluzhby v 1920–1930 gg.* [Lubyanka Historical Readings. Russian special services in 1920–1930]. Moscow, Velikiy Novgorod: FSS.
3. Pozharov, A.I. (1999) Nekotorye aspekty deyatelnosti organov gosbezopasnosti SSSR v 1950 e – pervoy polovine 1960-kh gg. [Some aspects of the activities of the state security organs of the USSR in the 1950s - the first half of the 1960s]. In: *Istoricheskie chteniya na Lubyanke* [Lubyanka Historical Readings. Russian special services at the turn of the ages: the late 19th – 1922]. Moscow; Velikiy Novgorod: Academy of the FSS of Russia.
4. Avzeger, L. (1980a) Ya vskryval vashi pis'ma... (iz vospominaniy byvshego taynogo tsenzora MGB) [I opened your letters ... (from the memories of the former secret censor of the MSS)]. *Vremya i my*. 55. pp. 224–253.
5. Avzeger, L. (1980b) Ya vskryval vashi pis'ma... (iz vospominaniy byvshego taynogo tsenzora MGB) [I opened your letters ... (from the memories of the former secret censor of the MSS)]. *Vremya i my*. 56. pp. 254–278.
6. Smykalin, A.S. (2015) *Perlyustratsiya pochtovoy korrespondentsii i pochtovaya voennaya tsenzura v Rossii i SSSR* [Perusal of postal correspondence and postal military censorship in Russia and the USSR]. Moscow: Yuridicheskii tsentr.
7. Orlov, Yu. Et al. (1976) Informatsiya o narusheniyakh kontaktov mezhdu lyud'mi v sfere mezhdunarodnoy pochtovoy i telefonnoy svyazi. (Moskva), 27.05.1976 [Information on contact violations in the sphere of international postal and telephone communications, (Moscow), May 27, 1976]. *Materialy samizdata*. 22/76. 25th June. AS № 2543.
8. Goldstein, G., Goldstein, I. & Bykova, E. (1977) Rasskaz "Narusheniya sovetskimi uchrezhdeniyami zakonnosti, vyrazivshiesya v presechenii mezhdunarodnoy perepiski Gol'dshteynov", Tbilisi, fevral' 1977 [Soviet institutions violated the law, expressed in the suppression of the international correspondence of the Goldsteins, Tbilisi, February 1977]. *Materialy samizdata*. 15/77. 20th June. AS № 2897.
9. USSR. (1971) Ustav svyazi SSSR [The Charter of Communications of the USSR]. *Sobranie postanovleniy pravitel'stva SSSR*. 10. Art. 83. pp. 186–222.
10. Vishnevskaya, Yu. (1983) O nekotorykh problemakh mezhdunarodnogo pochtovogo obmena s Sovetskim Soyuzom. RS 200/83 [On some problems of international postal exchange with the Soviet Union. RS 200/83]. *Radio Svoboda. Issledovatel'skiy byulleten'*. 41.
11. The Supreme Soviet of the USSR. (1959) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o ratifikatsii Vsemirnoy pochtovoy konventsii, Soglasheniya o pis'makh i yashchikakh s ob'yavlennoy tseennost'yu i Soglashenie o pochtovykh posylkakh [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on ratification of the Universal Postal Convention, the Agreement on Letters and Value-Added Boxes and the Agreement on Postal Parcels]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 9(941). Art. 66. p. 187.
12. The Supreme Soviet of the USSR. (1978) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o ratifikatsii Ustava i drugih aktov Vsemirnogo pochtovogo soyuza [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the ratification of the Charter and other acts of the Universal Postal Union]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1(1919). Art. 1. p. 5.
13. Universal Postal Union. (1971) *Ustav, dopolnitel'nyy protokol k ustavu, konventsiya i soglasheniya Vsemirnogo pochtovogo soyuza*. (Tokio, 1969 g.) [Charter, Additional Protocol to the Charter, Convention and Agreements of the Universal Postal Union. (Tokyo, 1969)]. Moscow: USSR Ministry of Communication.
14. Anon. (1975) 28 moskovskikh evreev, Otkrytoe pis'mo "V Mezhdunarodnyy komitet telefonnoy svyazi" o proizvole telefonnoy sluzhby SSSR [28 Moscow Jews, Open Letter "To the International Telecommunications Committee" about the arbitrariness of the USSR Telephone Service]. *Materialy samizdata*. 23/75. 6th June. AS № 2153.
15. Bonner, E. et al. (1978) Dokument № 30 (ili 25). O prodolzhayushchikhsya narusheniyakh kontaktov mezhdu lyud'mi v sfere pochtovo-telegrafno-telefonnoy svyazi, s 3-mya prilozheniyami, (Moskva), 02.02.1978 [Document No. 30 (or 25). On the ongoing violations of contacts between people in the field of postal, telegraph and telephone communication, with 3 applications, (Moscow), February 2, 1978]. *Materialy samizdata*. 20/78. 26th May. AS № 3238.
16. USSR. (1977) *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: Prinyata na vnocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 goda* [Constitution (main law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977]. Moscow: Politizdat.
17. Goldstein, I. & Bykova, E. (1977) Zayavlenie "Ministru svyazi GSSR" po povodu otklyucheniya telefona, s 2-mya prilozheniyami, Tbilisi, 29.03.1977 [Statement to the Minister of Communications of the GSSR on the disconnection of the telephone, with 2 annexes, Tbilisi, 03.29.1977]. *Materialy samizdata*. 15/77. 20th June. AS № 2897-a.
18. Grigorenko, P. (1977) 3 zayavleniya ministru svyazi SSSR s protestom protiv pomekh v ego telefonnykh razgovorakh, Moskva, 07.12.1976, 11 i 21.01.1977 [3 statements to the Minister of Communications of the USSR with a protest against interference in his telephone conversations, Moscow, July 12, 1976, January 11 and 21, 1977]. *Materialy samizdata*. 20/77. 22nd July. AS № 2990.